

В конце первой четверти XVIII в. ситуация изменилась коренным образом. Петровский абсолютизм не только поощрял, но и подгонял развитие торговли и промышленности, но при этом стремился придать ей «регулярный» характер. Права на занятия этими видами деятельности закреплялись за купцами и ремесленниками, сведенными в гильдии и «цунфты» (цехи). Вначале, правда, давалась известная свобода выбора. В соответствии с указом от 13 апреля 1722 г. записывать в посад посторонних лиц следовало по их желанию и при наличии капитала не менее 500 руб. Некоторые казаки, «отбывая службы», сами спешили переменить социальный статус. Оставшимся на службе торги и промыслы строго запрещались. В одной из казачьих челобитных отмечалось, что они «с прошлых лет промышляли... всякими промыслами и в лавках торговали... а в прошлом де 723 году... служилым людям... всякими промыслами промышлять и торговать не повелено». Это не значит, что торгово-ремесленная деятельность тарских казаков прекратилась совсем. Она просто переместилась в область «теневой экономики». В 1751 г. Х.Х. Киндерман называет в числе мастеровых из служилых людей серебряников, слесарей, кузнецов, маляров, токарей, плотников, часовщиков (Ивонин А.Р. 1996. С. 133, 136). Тарское купечество в своем наказе в Екатерининскую комиссию 1767 г. жаловалось, что «козаки... и прочие, кому указами запрещено, все торгуют» (Сборник РИО. 1911. С. 332). Конечно же, купцы не выдумали эти факты, но вряд ли служащие малочисленного тарского гарнизона могли составить им в это время серьезную конкуренцию. Командированные на службу в пограничные крепости тарские казаки, как и все прочие, включались в прилинейную торговлю с казахами как легальную, так и нелегальную, но и этот вид деятельности не был распространен сколько-нибудь значительно.

Значительный ущерб не только казачьему гарнизону, но и всему городу принес погром 1722 г., в ходе которого «до 500 домов лучших граждан было разорено, и от того времени город Тара прежнего могущества и красоты, и многолюдства весьма лишился» (Описание... 1982. С. 68). Это произошло при следующих обстоятельствах. В последние годы своей жизни Петр серьезно задумался над тем, кому передать после себя бразды правления. К этому подталкивало «дело царевича Алексея», но не последнюю роль играли и детские воспоминания монарха о событиях, связанных с его восшествием на престол в 1682 г., которые сопровождались установлением «двоецарствия», стрелецким мятежом, «хованщиной» и регентством «царь-девицы» Софьи Алексеевны. Уже «Артикул воинский» 1716 г. однозначно предписывал: «Все непристойные подозрительные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких (хотя и не для зла) или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, через что возмущение или бунт может сочиниться... имеют быть весьма запрещены» под угрозой для

зачинщиков смертной казни через повешение (Российское законодательство... 1986. С. 352). Итогом размышлений царя-преобразователя стал указ от 5 февраля 1722 г. о престолонаследии, по которому действующий император сам определяет себе преемника. За годы правления Петра население уже привыкло ко многим сюрпризам верховной власти, но и в этом ряду ситуация складывалась необычная. Подданные должны были присягать не какому-то конкретному лицу, а подписанной царем бумаге, в которой и имени наследника не было указано. Этим воспользовались политические оппоненты Петра — авторитетные среди народа проповедники старой веры, или на тогдашнем официальном языке «расколоучители». Для многих из них отказ от упоминания имени преемника престола означал правильности их оценки современной ситуации как «последних времен», когда вот-вот должен воцариться антихрист, имени которого нельзя и произнести. Поэтому, заключали они, присягать указу — значит присягать самому антихристу. (За исключением специально оговоренных случаев, описание протеста основано на материалах работы Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест...» (С. 47–53) и копии тарского следственного дела (РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 299).

В казачьей среде, где было немало приверженцев старой веры, учение о «Петре-антихристе» встречалось с сочувствием и пониманием. На эсхатологические настроения здесь накладывалось недовольство предпринимавшимися попытками переучить казаков «по артикулу солдатского строя», грубым вмешательством во внутреннюю жизнь казачьих обществ. Н.Н. Оглоблин справедливо подчеркивал, что «свободная и самостоятельная сравнительно с московскими служилыми жизнь сибирских служилых людей, полная всевозможных опасностей и борьбы с людьми и природою, выработала из них людей энергичных и подвижных, способных крепко постоять за себя и свои интересы» (Оглоблин Н.Н. 1895. С. 193).

✓ В Сибири еще в конце XVII в., после заграничной командировки Петра, служилые люди обсуждали актуальный вопрос о том, что «государя за морем не стало» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1337). В начале 20-х гг. XVIII в. руководители расположенных недалеко от Тары старообрядческих скитов Сергей (между прочим, выходец из стрельцов одного из северных городов Европейской России) и И. Смирнов стали по сути дела идейными вдохновителями тарского протеста. На допросах Сергей не только признал это, но и с гордостью заявлял: «...как тарским жителям, так и пустынноиком толковал, что присягать не надлежит». Активными пропагандистами и агитаторами концепции «последних времен» и ожидаемого прихода антихриста стали Петр Байгачев, казаки Василий Исецкий, Иван Подуша и Иван Неклюдов (он же и Шевелясов). Василий Исецкий, в частности, почти в открытую «при многих людях» на городском базаре называл «императорское величество непрямым

царем, антихристом». Организатором движения выступил казачий полковник Иван Гаврилов Немчинов.

17 мая 1722 г. в городе распространилось написанное П. Байгачевым «отказное», а по официальной терминологии «противное письмо», под которым вскоре появилось значительное количество подписей «градских и уездных жителей». В письме указывалось на неправильное поведение верховной власти, нарушающей традиции престолонаследия и заявлялось: «... мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, креста не целуем и рук не прикладываем». Понятно, что отказ от присяги был расценен и центральной, и губернской властью как бунт, но это была слишком упрощенная трактовка события, которая, тем не менее, слишком дорого обошлась горожанам. В дальнейшем официальный взгляд на события 1722 г. оказался господствующим. В середине XIX в. Г. Колмогоров, например, писал, что Тара, сделавшись убежищем «всех расколов», до того «простерла свой фанатизм, что осмелилась в 1722 г. воспротивиться распоряжениям правительства и навлекла на себя справедливый гнев» (Колмогоров Г. 1856. С. 4).

В действительности «отказное письмо» было, по сути дела, попыткой руководимого старообрядцами городского общества наладить диалог с властью и даже уберечь эту власть от опрометчивых и, возможно, непоправимых шагов. Это была не «оппозиция его величеству», а «оппозиция его величества». В письме содержалось два требования, разумеется, изложенные как просьбы. Первая — касалась имени наследника, вторая содержала призыв к восстановлению порушенной, как представлялось староверам, православной церкви: «... а ежели буде от царского рода наследник будет... и мы за такова наследника и за Устав Святыя Восточныя Соборныя и Апостольския Церкви и евангельскую проповедь, и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Евангелие и Крест целовать будем». К такого рода призывам державная власть в России традиционно оставалась глуха.

«Противное письмо» с собранными 228 подписями депутация во главе с полковником И. Немчиновым принесла к церкви и подала коменданту И.С. Глебовскому. Тот велел прочитать его подъячему Г. Андреянову после чего заявил И. Немчинову: «Когда де учинился противен, поди прочь от церкви». Но вообще-то комендант занял выжидательную позицию. В частном разговоре с полковником он сказал, что «тесноты им чинить не будет, покамест в Таболск отпишетца».

Узнав о событиях в Таре, губернные власти отправили карательный отряд из 600 чел. под командованием полковника Ивана Батасова. В середине июня передовой отряд во главе с капитаном Львом Ступиным без сопротивления занял город, а 16 июня подошли основные силы карателей. Тем временем решительно настроенные против присяги неведомому наследни-

ку горожане во главе с полковником Немчиновым заперлись в трех домах с намерением взорвать себя в том случае, если солдаты прибегнут к силовым методам. И. Батасов вначале пытался решить вопрос с помощью переговоров, но направленный казаками для переговоров И. Подуша заявил, что указов они слушать не будут и принимать присягу не собираются. После новых переговоров с И. Немчиновым, 26 июня, 49 казаков вышли из осады и немедленно были арестованы. Оставшиеся взорвали пороховой запас. Солдаты вытащили их из огня, но несколько человек, включая И. Немчинова, оказались в очень тяжелом состоянии, были немедленно допрошены и вскоре скончались. В этот же день было сломлено сопротивление Ивана Подуши. Попытка политического диалога успехом не увенчалась.

В водоворот майско-июньских событий 1722 г. была втянута значительная часть городского населения и какая-то часть жителей окрестных сел, но не в одинаковой степени. Среди них были неприсягнувшие указу по уважительным причинам (болезнь, командировка, отъездные промыслы и т.д.). После небольшого допроса они стремились исправить свою «оплошность». Другие не пошли к присяге, «смотря на других» или подчиняясь воле начальства. Эти, как правило, заявляли, что «ныне он к присяге идти желает», и отделялись сравнительно легким наказанием. Но немало, хотя и не большинство, было таких, которые даже в застенках и под пытками заявляли, что не пойдут к присяге до тех пор, пока не будет названо имя наследника. Эти пассионарии и получили смертную казнь через «отсечение головы, повешение за ребра, иные сажены на кол и протчими наказаниями усмирены». Виновные в меньшей степени были сосланы в Рогуевик «в вечную работу», но в 1729 г. получили частичную амнистию и были определены в солдатские слободы пригородков Казанской губернии, а в начале 30-х гг. им разрешили вернуться в родные места (правда, с предупреждением), поскольку после погрома 1722 г. многие разбежались, и теперь «жителей тот город имеет самое малое число».

История тарского протеста 1722 г., благодаря стараниям Н.Н. Покровского и его учеников изучена более или менее обстоятельно. Менее известно дело о столкновении тарского гарнизона с воеводой в конце 20 — начале 30-х гг. XVIII в. (Ивонин А.Р. 1996. С. 62–66). В 1728 г. сюда был назначен воеводой Дмитрий Рукин, выходец из служилой среды и тесно с ней связанный: его сын Николай служил в детях боярских, а шурин, Иван Немчинов, был головой тарских казаков. Новый воевода был не чужд «начатков просвещения»: в его личной библиотеке, наряду с религиозными трудами, находились и две книги светского содержания (в описи имущества они обозначены как «Книги нравоучительные повесте» и «Книга Феатрон»). Как нередко случалось, воевода вскоре почувствовал себя полновластным и безотчетным хозяином. После двух лет его правления, после ареста сына боярского Ива-